

**Людмила Тоньшева**

## Добрая улыбка матери

*Посвящается замечательной маме  
космонавта Бориса Волынова – Евгении  
Израилевне Волыновой, заслуженному  
врачу РСФСР*

Как-то рылась я в своих бумажных залежах. «Дай, – думаю, – пересмотрю, да и выкину за ненадобностью добрую половину бумажного хлама из письменного стола». Тот, кто когда-нибудь занимался литературным творчеством, знает, есть такая привычка у писак собирать всевозможные сведения на мелких бумажках и складировать их до поры до времени, авось пригодится. Что-то, конечно, пригождается, но процентов восемьдесят – это макулатура.

Итак, открываю ящики стола и в одном из них обнаруживаю уже пожелтевшую бумажку, сложенную вдвое, направляю её, а в ней адрес и фамилия: улица Дуси Ковальчук 272/1, квартира 44, Волынова Евгения Израилевна. Господи, это надо же в год, посвящённый 60-летию полёта Ю. А. Гагарина, как по заказу свыше, такая находка! Конечно, сразу начинают одолевать воспоминания... Далёкий 1969 год, первый год моей врачебной работы на двух заводах сразу:

на «Экране» цеховым терапевтом, на НЭВЗе дерматологом. И даже прошлая усталость накатывается, ведь каждый день – по два врачебных приёма...

И вот в один из дней – партийное собрание, сбор в 19-00 в клубе горбольницы. Прихожу, зал уже полон, мест свободных нет.

Осматриваюсь и вдруг вижу: женщина с седыми волосами и доброй улыбкой на лице машет мне рукой:

– У меня есть место, проходите.

Иду, сажусь рядом, благодарю. До начала собрания ещё десять минут. Знакомимся.

Я называю свою фамилию и имя. Она – свою. Удивлению моему нет предела – неужели я с мамой космонавта Вольнова познакомилась?

Она смеётся:

– Да, именно с ней!

И она делится со мной, что работает в поликлинике горбольницы, но уже подумывает перебраться из Новосибирска в Прокопьевск.

– А почему?

– Поближе к родне, у меня там живёт сестра. Да и сыну будет удобней в отпуск навещать нас обоих.

Наш разговор замолкает, потому что секретарь партийной организации уже открывает собрание.

После собрания идём к остановке вместе.

Евгения Израилевна останавливается около скамейки на улице и просит меня присесть.

– Вы знаете, Людмила Николаевна, Вы-то ещё молодая, а я уже наработалась, и сердце стало шалить, давление прыгает, посидим немного, я Вас не очень задерживаю?

– Что Вы? Что Вы! Я с удовольствием посижу, подышу воздухом, редко это удаётся, только в выходной день.

– Такова судьба всех медиков. Труд наш нелёгкий и для людей малозаметный, а потому не пользуется особым вниманием ни телевидения, ни кино, да и в книгах героями врачи редко бывают.

– И всё-таки, хорошо, что мы с Вами врачи, – говорит Евгения Израилевна, поднимаясь со скамейки. – Может быть, проводите меня до площади Калинина, я живу, немного не доходя до неё.

– С удовольствием, Евгения Израилевна.

– А я Вам расскажу немного о себе, – говорит мне попутчица. – Я ведь родом из Иркутска, т. е. коренная сибирячка. Мой сын Борис – тоже иркутянин, родился в Иркутске – недаром он взял в качестве позывного слова – «Байкал». Вы не представляете, как это ждать сына из такого полёта. Это просто свехволнение! И это притом, что всех тонкостей полёта телевидение нам не открывает. А ведь он собирается продолжать эти полёты, так что мне обеспечена беспокойная старость. А Вы не замужем?

– Нет, – говорю я... – Моя первая любовь закончилась трагически, он тоже врач-хирург, работал в горбольнице, в том же, что и я, во втором корпусе, синегнойная палочка попала в ухо, вызвала отит, а затем и менингит. Оперативно удалить очаг поражения мозга не удалось. Спартак через пять дней умер. А ведь мы собирались вместе в отпуск на Алтай, даже билеты приобрели на 11 июля, но 11 июля стал днём прощания с ним.

Я замолкла, расстроенная воспоминаниями.

Евгения Израилевна поняла, что невольно растревожила мою старую душевную рану.

И, чтобы как-то отвлечь меня от мрачных мыслей, она сказала:

– Ну, а мне с мужем пришлось расстаться, он мне изменил с моей подругой. Двойное предательство я не вынесла. Он при-

ходил, просил прощения, но я не могла его простить. В 1942 году в одном из боевых полётов он погиб, а подруга написала мне письмо через 30 лет после нашего расставания с ней.

Жена сына уговаривала:

– Давайте встретимся с ней.

Но я была непреклонна. Считаю, такие вещи прощать нельзя...

– Ну, вот мы и дошли до моего дома, – Евгения Израилевна достала из сумочки бумажку и написала свой адрес. – Давайте встретимся, Людмила Николаевна, но я уже решила твёрдо уезжать в Прокопьевск. Новосибирск укрепил мои знания, спасибо ему. Здесь в Толмачёво в военном лётном училище встал на крыло мой сын, он окончил его с отличием, это же училище двумя годами позже окончил и Герман Титов и тоже с отличием, да и Попович один курс прошёл, а потом перешёл в другое учебное заведение. Правда, базы для аэродромов у Бориса и Германа были разные. У сына – на Алтае...

Мы обнялись. Я поняла, что встретила удивительного человека. Обещала позвонить, телефон был указан на этой бумажке.

Трудовые дни бежали один за другим.

Мама моя была ещё жива, и, когда я приходила домой, уставшая до изнеможения, кормила меня, и я почти сразу проваливалась в блаженный сон. Сон крепкий, почти без сновидений, был лучшим средством, восстанавливающим душевные и физические силы. Через две недели я позвонила своей новой знакомой.

Евгения Израилевна обрадовалась моему звонку и пригласила в гости.

В комнате на столе стоял чайный сервиз и красовался торт «Наполеон».

– Как Вы догадались о том, что я люблю именно этот торт, дорогая Евгения Израилевна?

– Догадаться не трудно, мы женщины, все без исключения, равнодушно к нему.

И мы обе рассмеялись. За вкусным чаем Е. И. Вольнова поведала мне свою житейскую историю.

– Я уже говорила Вам, – начала она свой рассказ, – что родилась в Иркутске, это был 1910 год, 19 февраля, в нашей семье была младшей. Нас было четверо, три сестры и брат. Поскольку я была самой маленькой, меня любили и баловали. Но несчастья начались очень рано, мне было три года – умерла мама, а в пять лет мы потеряли отца. Мы осиротели совсем. Старшему брату было тогда 16 лет, и ему пришлось поднимать и учить нас, сестёр. Прибавил он себе два, недостающих до 18 лет, года и поехал на Инские золотые прииски, они тогда успешно развивались. Присылал нам денег. Надя – вела хозяйство: топила печь, выпекала хлеб, обшивала семью, поддерживала приусадебное хозяйство, чтобы мы – младшие сёстры могли учиться.

Время было трудное, голодное. Надюша была яркой выдумщицей, никогда неунывающая красавица с «горящими» глазами, она всегда могла развеселить нас то шуткой, то песней, то интересно рассказанной историей.

В праздничные дни приезжал брат, заготавливал топливо и баловал нас.

Все вместе мы любили ходить в музей.

Он (второй после Петербурга) краеведческий открылся в 1782 году. Брат старался приобщить нас к знаниям и культуре, к литературе, искусству. Мы постоянно пользовались городской библиотекой. Больше всего любила книги о декабристах и их прекрасных жёнах.

Все сёстры решили стать врачами. Я тогда дружила с соседским мальчиком. И на втором курсе мединститута по большой любви вышла за него замуж. Звали его Валентин

Мельников. Было 4 месяца беременности, когда между нами произошёл разрыв. О причине его я Вам уже говорила. Меня поддержали и брат, и сёстры. И взяли на себя заботу и обо мне, и о будущем ребёнке, сына я назвала Борисом и настояла на своей фамилии. В это время институт окончила старшая сестра Лека и получила назначение в Прокопьевск Кемеровской области, она уже была замужем, детей у них не было, и они увезли с собой 10-месячного Боря, чтобы дать мне возможность спокойно учиться. По окончании института я работала врачом-педиатром.

Но ещё на пятом курсе вышла замуж за Ивана Карих – однокурсника, и вместе с ним мы из Иркутска переехали в Прокопьевск.

В Иркутске остались старшая сестра Надежда и брат, к тому времени они тоже создали свои семьи.

Маленький сын никак не мог понять, почему у него вдруг оказалось две мамы. Тётя Лека старалась приучить племянника: – Боренька, вот – твоя мама, а я – твоя тётя, сестра твоей мамы.

– Нет, моя мама – ты! – упорствовал ребёнок.

Я тогда работала на двух работах, как Вы сейчас, в городской больнице и в поликлинике.

Работа занимала много времени, но я любила свою работу и своих пациентов, часто дежурила ночью.

24 января 1940 года – у меня родился второй сын, мы с мужем дали ему имя Роберт. Хлопот стало больше, пришлось даже прибегать к помощи няни. Началась война. Ивана Дмитриевича и Леку с мужем призвали в армию. Я осталась с двумя детьми, пришлось срочно переквалифицироваться, стала работать хирургом в военном госпитале для тяжело-раненых. Госпиталь находился за городом, в 40-градусные морозы на перекладных добирались до военного госпиталя.

Иногда приходилось там ночевать. Жила постоянно в тревоге за детей.

Приходила, когда они уже спали, готовила им, штопала одежду, собирала бельё. Зарплаты хватало только на молоко детям.

Однажды на работе потеряла сознание.

Все заботы о младшем брате ложились на Борю. Он вставал в 5-6 часов утра, становился в очередь за хлебом, нёс его домой. В еду пошли – ягоды паслёна, заячья капуста, стебли щавеля, черемши, величайшим и редким лакомством был подсолнечный жмых. Иногда они заходили ко мне в госпиталь и выступали перед ранеными. Здесь Борис пережил первую трагедию, умер тяжелораненый лётчик, Герой Советского Союза. И сын впервые видел, как плакали мужчины, и плакал вместе с ними.

В 1942 году – он поступил в первый класс. Утром он провожал Роберта в детский сад, а сам шёл в школу № 1, она тогда была мужской. Вечером он забирал Роберта и на ночь обязательно рассказывал ему сказку. Летом я отправляла их в пионерский лагерь. По возрасту их определили в младший отряд, но Борис всё время тянулся к старшим. Мальчишки играли в войну, а настоящая война шла и шла. И казалось, что ей не будет конца.

Борис любил в играх брать на себя роль разведчика. В 1952 году сын закончил 10-ый класс и 20 августа 1952 года поступил в 24-ую военную авиационную школу первоначального обучения лётчиков ВВС Приволжского военного округа в Павлодаре (Казахстан), которую окончил в 1953 году.

Вы не представляете, сколько раз я вела с ним разговоры, отговаривая его от выбора профессии лётчика. Но он был упорен. Я забыла, совсем забыла, что свой сильный характер он унаследовал от меня. К тому же он был сибиряком,

объединившим в своей космической биографии три таких разных сибирских города: родился в Иркутске, вырос в шахтёрском Прокопьевске, серьёзную лётную школу прошёл в Новосибирске.

Мой первый муж – Мельников Валентин Спиридонович был участником войны, радистом бомбардировщика, погиб в бою в 1942 году.

Так что тяга к авиации у Бориса от отца, о существовании которого он узнал только в 8-ом классе. Отчим – Иван Дмитриевич умер в 1956 году, после войны он (до своей смерти) работал главным врачом скорой помощи города Прокопьевска. Роберт выучился на нейрохирурга, защитил диссертацию, доктор медицинских наук.

В Новосибирске Борис проучился с 19 декабря 1953 года по 15 ноября 1955 года и в числе лучших выпускников был направлен с 27 января 1956 года в качестве лётчика противоздушной обороны (ПВО) 133-ей истребительной авиационной дивизии (ИАД) в город Ярославль. С 7 августа 1958 года – он был уже старшим лётчиком 147-ого гвардейского ИАП ПВО той же дивизии. Любой свой отпуск использовал для поездки в Прокопьевск, чтобы из него мчаться в Новокузнецк, где в металлургическом институте училась его первая и единственная любовь – красавица, отличница Тома Савинова, школу окончила с золотой медалью, институт, впоследствии, с красным дипломом. А познакомились они на спортивных соревнованиях двух школ (первой – мужской и школы №2 – женской). В Ярославле он принял решение жениться.

Взял трехдневный отпуск, примчался в Прокопьевск: – Мама еду в Новокузнецк делать предложение Тамаре Савиновой.

Я была рада за сына, одобряла его выбор. Была рада и мама Тамары. А Тамара хотела защитить диплом, а потом идти



в ЗАГС. Но Борис сумел её уговорить. Трёх дней хватило, чтобы зарегистрировать брак.

Борис сумел договориться с бюро регистрации браков. Отметим они это событие своеобразно – купили шампанское, ребят не дождалось, распили вдвоём бутылку, посидели под нехитрую еду, которую приготовили на керогазе.

Пообещали друг другу, что всегда будут вместе.

Теперь немного о сестре Леке. Она прошла войну до Берлина, после войны осталась в Кишинёве и стала ведущим гинекологом Молдавии.

Ей были особенно благодарны два человека: Николай Анисимович Щелоков (она спасла жизнь его жены и дочери) и Борис, благодаря любимой тёте, он впервые повёл самолёт, выполняя её поручение, надо было срочно доставить донорскую кровь в село. Но моя дорогая сестра, будучи гинекологом, сама была лишена счастья стать матерью. И, к сожалению, она не дожила до триумфа своего любимого племянника.

Евгения Израилевна прервала беседу, поняв, что чай давно остыл и надо греть новый, пока она включала чайник, я смотрела на фотографии в альбоме, который приготовила для меня радушная хозяйка. На одной из них – она была со своим вторым мужем и ещё совсем юными Борисом и Робертом, на другой – уже повзрослевший Борис и его молодая супруга, улыбающаяся Тамара.

– Ну, как Вы чувствуете себя? – спросила меня хозяйка дома.

– Очень хорошо мне у Вас, Евгения Израилевна, впечатление такое, что мы знаем друг друга давным-давно. Хочу слушать продолжение Вашего рассказа. Ведь мне очень повезло на встречу с Вами, где бы я это могла узнать о Вашем сыне. Пока такой литературы нет.

– Ну, тогда слушайте дальше. Когда я ездила к ним в гости, мне сын рассказал, что его полёты всё откладывали и откладывали, готовили к более сложным полётам. С 3 мая по декабрь 1965 года Борис проходил подготовку в качестве командира основного экипажа «Восхода» (ЗКВ) №6 для полёта длительностью 10–15 дней вместе с Г. П. Катысом, который активно занимался подготовкой военно-прикладной программы по линии Академии наук СССР с проведением специальных экспериментов. В декабре 1965 года программа полёта «Восхода» (ЗКВ) была изменена, и Г. П. Катыс был выведен из экипажа.

Оказывается, состоялось заседание ВПК, где председательствовал заместитель председателя Совета Министров Л. В. Смирнов, он выступил за отмену полёта, якобы по следующим причинам:

- полёт на 18 суток не даёт ничего нового;
- осуществление полёта «Восхода» (ЗКВ) задержит работу над 7-КОК, и в 1966 году мы не будем летать на «Союзе», а это наш основной корабль;
- полёт без манёвра на орбите и без стыковки покажет наше отставание от США и будет воспринят общественностью как доказательство превосходства американцев.

Окончательное решение по полёту корабля ЗКВ №6 переложили на Госкомиссию, которая, в свою очередь, решения о пуске так и не приняла, отложив его до июля. Но больше по этому вопросу комиссия не собиралась, новую дату пуска не назначали, активно переключившись на подготовку к полёту нового корабля «Союз». Так закончилась история несостоявшегося полёта «Восхода» (ЗКВ) №6.

А ведь полёт был отменён за несколько дней до вылета экипажа на Байконур, когда экипаж уже принял корабль.

Н. П. Каманин считал непростительной ошибкой отмену хорошо подготовленного длительного полёта Б. Вольнова и связанную с этой отменой потерю приоритета советской космонавтики перед американской. Сын переживал из-за полётов. Я же – из-за периодически происходивших завалов в шахтах Прокопьевска, ведь во время аварии иногда приходилось спускаться в шахту и оперировать прямо под землёй.

Прыжки с парашютом называют спортом мужественных, в них мой сын не знал себе равных!

Пробный прыжок перед полётом Юры Гагарина совершил мой сын – в скафандре с полным набором снаряжения. Полный вес был 182 килограмма, сброс шёл с 5 тысяч метров.

Заводской номер нового космического корабля «Союза»-13.

Но Борис не верил ни в какие приметы.

15 января 1969 года – состоялся его первый космический полёт. С ним летал плюшевый медвежонок, который дали ему его дети (их у него уже было двое – сын Андрей и дочка Таня).

Медвежонок Боря перенёс в корабль, поместив в голенище космического сапога.

В полёте эта детская игрушка служила индикатором невесомости.

Вернусь немного назад. Когда родился мой внук Андрей, я решила самолётом полететь к детям, я тогда в первый раз села в самолёт. Мне хотелось почувствовать, хотелось понять, чем же захватил сына этот «пятый океан». В комфортабельном «Иле» было уютно и по-домашнему спокойно. Весь полёт я смотрела в иллюминатор, но неба так и не почувствовала.

Борис смеялся:

– Скорость не та, мама!

22 мая 1959 года в различных авиационных частях был проведён отбор молодых и перспективных лётчиков для подготовки к космическим полётам.

Обо всех трудностях, что выпали на долю сына, я могла только догадываться, ведь разглашать сведения об аварийных ситуациях было строго запрещено.

Знаю только то, что знают и все в стране – с коротким интервалом стартовали два корабля: «Союз-4», которым управлял Владимир Шаталов, и «Союз-5» под командованием Бориса. В его экипаж входили Женя Хрунов и Алексей Елисеев.

После стыковки кораблей парням предстояло совершить выход в открытый космос и перебраться в «Союз-4».

До этого никто не делал ничего подобного. На досуге, в домашней обстановке сын любил рассказывать анекдот об этом полёте, его придумали в народе и довольно остроумно, вот его содержание:

«Пошатались-пошатались (Шаталов) по космосу, поволили-поволили (Волынов), ни Хруна (Хрунов) не сделали и еле-еле сели (Елисеев)».

– Ничего себе «Ни Хруна»! – возмущался сын, а затем заливался смехом. Я понимала, что скрывается за этими шутками.

Когда мне сообщили, что Борис в космосе, вся жизнь пронеслась перед глазами – от его рождения до полёта.

– Любовь моя! Боль моя! Гордость моя! – думала я про себя и готова была кричать вслух, а слёзы текли и текли, не переставая.

Мы расстались с Евгенией Израилевной большими друзьями, перезванивались, она вскоре покинула Новосибирск и всю оставшуюся жизнь так и работала в Прокопьевске, уже главным врачом медобъединения шахты «Коксовая-1», получила звание «Заслуженный врач РСФСР».